

Об “ответственности внешних сил” за начало Корейской войны

© 2010

К. Асмолов

Автор предпринял попытку разобраться в том, кто действительно несет ответственность за развязывание Корейской войны. В статье сопоставляются различные концепции на эту тему и использовавшиеся в них пропагандистские клише. Самим автором Корейская война воспринимается как гражданская, спровоцированная расколом страны и усугубленная внешним вмешательством. Подчеркивая при определении причин войны приоритет внутренних факторов, он отмечает особую роль Пак Хон Ёна как одного из главных сторонников развязывания этого военного конфликта.

Ключевые слова: Корейская война, “холодная война”, СССР, КНР, США, первичность внутренних факторов, пропаганда.

Вопрос о том, “кто начал Корейскую войну” и какова была в этом роль внешних сил (Москвы, Пекина, Вашингтона), является одним из наиболее спорных в российском и зарубежном корееведении.

До начала перестройки советская историография в целом поддерживала официальную северокорейскую версию о том, что войну начал Юг. Эта точка зрения отражена в двухтомном учебнике истории Кореи, изданном в 1974 г., который практически до конца 1980-х гг. считался основным учебным пособием по данному предмету.

В более поздних материалах, в частности, курсе лекций по истории Кореи в Институте стран Азии и Африки при Московском государственном университете, который читал в конце 1980-х — начале 1990-х гг. профессор М.Н. Пак, прямо говорилось, что войну начал Север и критиковалась политика Сталина и Ким Ир Сена.

В своих вышедших на Западе мемуарах темы Корейской войны касался Н.С. Хрущев. Признавая, что войну начал Север, бывший советский лидер обвинял Сталина скорее в нерешительности и недостаточной вовлеченности в корейские проблемы:

“Мне осталось совершенно непонятно, почему, когда Ким Ир Сен готовился к походу, Сталин отозвал наших советников, которые были раньше в дивизиях армии КНДР, а может быть, и в полках”... “Если бы

Ким Ир Сен получил от нас еще один, максимум два танковых корпуса, то ускорил бы продвижение на юг и с ходу занял бы Пусан”, — писал он¹.

Пожалуй, именно с обсуждения этих высказываний в российских исследованиях о Корейской войне возник вопрос, можно ли рассматривать ее как “войну Сталина”, инициированную не Пхеньяном, а Москвой и направленную на решение геополитических проблем СССР.

В трудах корееведов в конце 1980-х гг. данный аспект Корейской войны как бы “опускался”. В работе В.Д. Тихомирова “Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х гг.)”, написанной в конце 1980-х, но опубликованной в 1998 г., в частности, говорилось:

“Между тем ситуация на Корейском полуострове все более накалялась, вдоль 38-й параллели непрерывно происходили военные столкновения, которые затем переросли в войну.

*Такое развитие событий не было случайным, оно было подготовлено всем предшествующим процессом углубления и обострения неразрешимых противоречий внутреннего и внешнего плана на фоне заметно усилившейся на рубеже 40–50-х годов “холодной войны” США и западного мира против Советского Союза”*².

В труде “Война в Корее, 1950–1953” (этот военно-исторический очерк Корейской войны был составлен еще в 1950-е гг. коллективом авторов под руководством С.С. Потоцкого и являлся закрытым материалом, предназначенным исключительно для командного состава ВС) вопрос о начале Корейской войны был обойден. Указывалось, что советские источники сообщают по этому поводу одно, а американские — другое. В переиздании этой работы в 2003 г. относительно американской точки зрения было добавлено что “публикации ряда материалов в современной России косвенно подтверждают” ее³.

В мемуарах М.С. Капицы “На разных параллелях”, опубликованных в 1996 г., этот вопрос также дипломатично обойден. Указывается, что к войне готовились обе стороны и “посторонним наблюдателям трудно было понять, кто же произвел первый выстрел”⁴.

Первым, кто “озвучил” отличную от официальной трактовку Корейской войны и открыто сказал, что войну начал Север, был А.Н. Ланьков в книге “Северная Корея: вчера и сегодня” (1993).

Немного позже тему Корейской войны начал разрабатывать ректор МГИМО академик МИД РФ А.В. Торкунов. В 1995 г. Корейской войне была посвящена глава в его книге “Корейская проблема: новый взгляд”, где рассматривался традиционный для того времени подход к проблемам Корейского полуострова в целом⁵.

Установление в 1990 г. дипломатических отношений с Республикой Корея и последующее развитие с ней культурных связей позволили российским исследователям ознакомиться с большим массивом недоступных им ранее трудов западных и южнокорейских авторов.

Кроме того, в российском корееведении появилась новая группа исследователей, преимущественно этнических корейцев, которые ранее времени корееведами не были, но стали считаться таковыми благодаря своей национальной принадлежности. Южнокорейская сторона воспринимала их как “своих” и, под-

держивая грантами и т.п., использовала как канал доведения собственной точки зрения до российской стороны⁶.

В их интерпретации главным виновником Корейской войны и всех бед Корейского полуострова стал Сталин. Такую тенденцию подстегнул визит Б. Ельцина в РК в 1993 г., в ходе которого он передал корейским властям большую коллекцию рассекреченных документов, подтверждающих концепцию Корейской войны как «войны Сталина». Правда, впоследствии выяснилось, что эти документы были пристрастной выборкой. Детальный анализ более широкого массива документов из российских архивов показывает, что картина была неоднозначной. Так, американка Кэтрин Везерсби после работы в российских архивах пришла к выводу, что Сталин не был заинтересован в расширении своей зоны контроля и рассматривал КНДР скорее как буферное государство для защиты своих собственных границ⁷.

С изменением ситуации в России после прихода к власти В.В. Путина в российской исторической науке была предпринята определенная попытка отойти от пропагандистских мифов — как советских, так и постперестроечных. С другой стороны — антиамериканские настроения, распространенные в определенных кругах российской интеллигенции, привели к тому, что Корейскую войну начали рассматривать, в первую очередь, через призму советско-американского противостояния.

В тот же период у ученых-корееведов возникла потребность написать учебники новой и новейшей истории Кореи взамен морально устаревших. К тому же, в 2000 г. отмечалось 50-летие начала Корейской войны, и к этой дате было приурочено несколько знаковых мероприятий, в том числе организованная Институтом военной истории конференция, посвященная Корейской войне.

Формат конференции не позволил провести полномасштабные дискуссии между представителями разных точек зрения, но на ней был рассмотрен ряд военных и военно-политических аспектов Корейской войны. Из-за финансовых проблем материалы конференции были изданы⁸ очень малым тиражом и не имели должного резонанса.

В том же году вышла книга А.В. Торкунова «Загадочная война»⁹, которая впоследствии была переведена на английский, японский и корейский языки. В ней суть рассматриваемой проблемы излагается следующим образом:

«Обе стороны — и просоветский Север и проамериканский Юг — не мыслили свою нацию разьединенной и рвались в бой, на уничтожение идеологического и политического оппонента. Ким Ир Сен на протяжении ряда лет добивался одобрения со стороны Сталина на объединение страны военными методами. Советский лидер был против, не желая нарушать договоренности с США и создавать новый очаг напряженности.

Но к 1950 г. настроения в Кремле изменились. «Холодная война» уже не знала пределов, и договоренности держав-победительниц во Второй мировой войне были так или иначе похоронены. При этом соотношение сил на Дальнем Востоке явно изменилось в пользу советского лагеря — в Китае победили коммунисты, обещавшие в случае необходимости помочь северокорейцам. В Москве пришли к выводу, что на юге Кореи будут приветствовать коммунистов, а США, как и в случае с Китаем, смирятся с поражением».

Как подчеркивал автор, «считать, что Пхеньян и Сеул были просто заложниками в большой игре великих держав было бы неправильно. К войне на по-

*луострове тщательно готовились и обе корейские стороны. И, готовясь к этой войне, они никак не стремились оказаться в роли пешек, обслуживающих глобальные амбиции Москвы и Вашингтона. В основе их политики лежали, прежде всего, властные и националистические устремления. Можно с определенностью сказать, что Корейская война изначально носила характер войны гражданской с той лишь особенностью, что раздел страны по 38-й параллели географически обусловил и раздел противостоящих политических сил*¹⁰.

В начале XXI в. был опубликован целый ряд трудов на русском языке, в которых затрагивалась тема Корейской войны. Это как авторские работы, так и комментированные переводы книг иностранных авторов, в первую очередь — “Корейская война” У. Стюка (М., 2002).

Следует отметить, что переводной зарубежной литературы о Корейской войне на русском языке очень мало. Основные работы Б. Камингса, М. Гастингса, А. Миллета, Ким Ен Сика или иных авторитетных исследователей известны массовому читателю только в изложении российских ученых.

Наряду с печатными изданиями тема Корейской войны активно обсуждается а Интернетe, где преобладает не столько “корееведческий”, сколько “общий” подход. Как правило, “сетевые материалы” отличаются довольно высоким уровнем пропагандистской направленности, поэтому не вполне соответствуют научным критериям.

Сохраняющееся представление о том, что корейская война была “войной Сталина”, подразумевает то, что главным инициатором военного конфликта была именно Москва, а не Пхеньян. Решение начать войну было будто бы принято Сталиным в рамках глобального плана по распространению коммунистических идей и грядущей мировой революции.

Наиболее известный российский сторонник этого взгляда Александр Панцов в ряде своих публикаций¹¹ и выступлений утверждал, что Сталин активно давил не только на Пхеньян, но и на Пекин, требуя, чтобы Китай включился в войну за чуждые ему интересы. Более того, Сталин не только “продавил” идею начать войну, но сделал это для того, чтобы спровоцировать третью мировую, столкнув в военном конфликте Китай и США.

Таким образом, принципиально важно, по мнению автора, дать ответы на следующие вопросы.

– Можно ли говорить, что война началась по инициативе или “с одобрения” Сталина?

– Какие факторы повлияли на изменение позиции Москвы и на основании какой информации было принято данное решение?

– Была ли в отсутствии советского представителя в Совете Безопасности ООН какая-то особенная интрига, и насколько очевидным было вторжение США в Корею в июне 1950 г.?

– Как представлял Сталин перспективы войны?

– Кого конкретно можно считать главным инициатором войны со стороны Севера?

Как Москва принимала решение

Еще в ходе первого визита в Москву в 1949 г. Ким Ир Сен поднял вопрос об объединении полуострова с применением военной силы, но Сталин был против.

М.С. Капица рассказывает о встрече Ким Ир Сена со Сталиным 5 марта 1949 г. так: *“Сталин заметил, что он не может сказать, что Север имеет абсолютный перевес над Югом, поэтому наступление на Юг невозможно... Он советовал лидерам КНДР подумать, произвести расчеты и вновь приехать. Сталин допускал возможность контрудара в случае нападения со стороны Южной Кореи”*¹².

По сути, сталинское мнение на тот момент было таково: “Вы имеете право на контратаку только если против КНДР будет совершена вооруженная провокация”. Между тем, вооруженных провокаций на демаркационной линии между Севером и Югом хватало, причем настолько, что не только левые южнокорейские историки, но и некоторые американские (А. Миллет) говорят о “партизанском этапе войны”, хотя конфликты с участием сил до батальона при поддержке танков, артиллерии и авиации партизанщиной назвать нельзя. По мнению Б. Каммингса, интенсивность приграничных конфликтов до официального начала Корейской войны была сравнима с “окопным” периодом войны в 1952–1953 гг.

Ю.В. Ванин упоминает о том, что советский посол в КНДР. Т.Ф. Штыков¹³ направил в Москву более 50 записок, в которых указывал на провокации с южнокорейской стороны и на неминуемость перетекания их в конфликт большего масштаба.

Последнее довольно важно, так как в массовом сознании нападение Севера на Юг выглядит внезапным, вероломным и неспровоцированным. Это не совсем так. Милитаристские заявления руководства Юга, которые, в отличие от высказываний северян, звучали гораздо более конкретно, открыто и патетично, свидетельствуют о том, что южнокорейская сторона обладала не меньшими амбициями. Соединенные Штаты старались сдерживать южан, опасаясь, что такой одиозный руководитель страны, как Ли Сын Ман, втравит Америку в войну в абсолютно неподходящий момент. Таким образом, очевидно, что военные устремления Юга не могли не приниматься Москвой в расчет.

15 сентября 1949 г. Штыков пишет докладную записку с подробным анализом политического и экономического положения РК. В ней упоминается, что Ким Ир Сен и Пак Хон Ён* считают объединение страны мирным путем невозможным и не хотят быть ответственными за его затягивание.

*“Ким Ир Сен и Пак Хен Ен, видимо, учитывают обстановку и не хотят быть ответственными за затяжку объединения страны. Не видя возможности объединения страны мирным путем, они пришли к мысли провести объединение страны путем вооруженного выступления против южнокорейского правительства. Они считают, что в этом мероприятии их поддержит народ как на севере, так и на юге страны. Они, видимо, учитывают, что если объединение не провести в настоящее время, хотя вооруженным путем, тогда вопрос с объединением затянется на годы. Южнокорейской реакции удастся задуть демократическое движение на юге, разгромить и уничтожить их левые организации. Одновременно южнокорейская реакция использует это время для создания более сильной армии и может напасть на север страны с тем, чтобы уничтожить все то, что создано на севере за эти годы”*¹⁴.

Сам Штыков тоже склоняется к поддержке этого предложения, однако указывает на возможное вмешательство американцев. По сути, он предлагает ог-

* Министр иностранных дел РК, вице-премьер, руководитель компартии Южной Кореи.

раниченный конфликт по захвату Кэсона и Ончжинского полуострова, в качестве повода для которого можно использовать провокации южан¹⁵.

Тем не менее, до определенного времени позиция Кремля была однозначной: “добро” на войну не давать — ни на глобальную, ни на ограниченную.

24 сентября 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) оценило план нанесения упреждающего удара и освобождения Юга как нецелесообразный, чреватый долгой войной и иностранной интервенцией¹⁶. В директиве Штыкову в ответ на его записку отмечалось, что военное наступление не подготовлено ни с военной, ни с политической стороны, а “частная операция” будет, безусловно, рассмотрена как начало войны¹⁷. Открытым текстом указывалось, что у КНДР нет “необходимого превосходства вооруженных сил”, а это значит, что “неподготовленное должным образом наступление может превратиться в затяжные военные операции, которые не только не приведут к поражению противника, но и создадут значительные политические и экономические затруднения”. Рекомендовалось “поднять широкие народные массы Южной Кореи на активную борьбу, развернуть партизанское движение по всей Южной Корее, создать там освобожденные районы”. По мнению Политбюро, “только в условиях начавшегося и действительно разворачивающегося народного восстания, подрывающего основы реакционного режима, военное наступление на юг могло бы сыграть решающую роль в деле свержения южнокорейских реакционеров”¹⁸.

Обратим внимание, что предложение северокорейского руководства о силовом варианте разрешения проблемы не встретило однозначной поддержки не только у высокого начальства в Москве, но и в советском посольстве в Пхеньяне. Если посол КНДР Т. Ф. Штыков скорее поддерживал эту идею, то советник посольства Г.И. Тункин, который в отличие от генерала-политработника Штыкова был профессиональным дипломатом, придерживался более осторожной линии. Запретительная резолюция заседания Политбюро ЦК ВКП(б) в октябре 1949 г., наложившая “вето” на представленный Штыковым проект “ограниченной войны”, была составлена в значительной степени исходя из его докладной записки¹⁹.

Неслучайно Штыкову предписывалось “строго придерживаться приведенного текста”. Такое напоминание может быть расценено как указание на то, что, зная позицию самого Штыкова по этому вопросу, Москва специально потребовала от него передать северокорейскому руководству информацию точно как в директиве.

26 октября 1949 г. в телеграмме на имя Мао Цзэдуна Сталин выражает согласие с мнением Мао о том, что корейской армии не следует вести наступление, т. к. военная кампания не подготовлена ни с военной, ни с политической стороны. По его мнению, корейским друзьям следует сосредоточить свои силы на развитии партизанского движения и создании освобожденных районов на Юге, с одной стороны, и укреплению Корейской Народной армии, с другой²⁰.

19 января 1950 г. Т.Ф. Штыков докладывает Москве о разговоре с Ким Ир Сеном, который сетовал на то, что партизаны не решат дело, что Мао, хотя не рекомендовал наступать на Юг, однако обещал помочь, и что ему необходимо встретиться со Сталиным и лично убедить его²¹.

Сталин посоветовался с Мао и 30 января 1950 года телеграфировал Штыкову: Ким Ир Сен “должен понять, что такое большое дело в отношении Южной Кореи, которое он хочет предпринять, нуждается в большой подготовке.

Дело надо организовать так, чтобы не было слишком большого риска. Если он хочет побеседовать со мной по этому делу, то я буду готов принять его и побеседовать с ним. Передайте все это Ким Ир Сёну и скажите ему, что я готов помочь ему в этом деле”.

Некоторые историки воспринимают этот пассаж как доказательство того, что инициатива развязывания войны исходила из Москвы, а не из Пекина или Пхеньяна. При этом они упускают из виду исторический контекст, в котором прозвучала данная фраза. В первую очередь — донесения Штыкова о многочисленных провокациях с южнокорейской стороны и обращенных к Москве просьбах северокорейского руководства перейти к активным действиям.

В апреле 1950 г. Ким Ир Сён снова появляется в Москве и пытается убедить Сталина в том, что к вторжению все готово. Сталин советует дополнительно обсудить вопрос “с китайскими товарищами” и в апреле — мае 1950 г. Ким Ир Сён и Пак Хон Ён посещают Пекин, где происходит окончательное формирование китайско-корейского военного союза.

Ким Ир Сён и его делегация провели в Москве почти весь апрель 1950 г., но убедили Сталина “дать добро” только в начале мая. Именно после этого советскому послу в КНР была передана телеграмма для Мао Цзэдуна, текст которой приводится полностью: *“Тов. Мао Цзэдун! В беседе с корейскими товарищами Филиппов и его друзья высказали мнение, что в силу изменившейся международной обстановки они согласны с предложением корейцев приступить к объединению. При этом было оговорено, что вопрос должен быть решен окончательно китайскими и корейскими товарищами совместно, а в случае несогласия китайских товарищей решение вопроса должно быть отложено до нового обсуждения. Подробности беседы могут рассказать Вам корейские товарищи. Филиппов”*²². Мао высказал согласие с такой оценкой.

Обычно текст этой телеграммы обрывают на слове “совместно”, однако в полном варианте становится понятным, что речь идет даже не о консенсусе между китайской и корейской стороной, а о том, что последнее слово в этом вопросе оказывается не за Москвой, а за Пекином. С точки зрения автора, это наиболее четкое доказательство того, что о “продавливании” Сталиным своей позиции говорить нельзя.

Из всего описанного выше следует, что основным инициатором начала войны был именно Пхеньян. Москва же сначала отвергла идею, затем выразила готовность помочь, но указала, что даст “добро” в случае, если инициативу поддержит Пекин, и лишь затем согласилась с необходимостью вторжения, приняв во внимание изменившуюся обстановку.

Это же видно и по рассекреченным документам, в первую очередь — сообщениям Штыкова. В сообщениях “на военную тему” он информирует Москву о настроениях Пхеньяна, а не докладывает о результатах того, насколько ему удалось довести до руководства КНДР московские планы начала конфликта.

Не подтверждается и предположение о кремлевском диктате и неучете мнения союзников. Архивные документы, которые в настоящее время находятся в распоряжении историков, говорят о том, что хотя Мао, выбивая одобрение начала войны китайским руководством, сослался на мнение Сталина²³, нам не известны документы за подписью Сталина, в которых он требовал от Пекина поддерживать его точку зрения без учета местных условий. Скорее наоборот, из цитированного выше видно, что окончательное решение предлагается принять Мао.

Четвертая причина

Отчего же Сталин дал добро на начало войны? Обычно в качестве причин смены курса приводят речь Д. Ачесона, появление у Советского Союза своего ядерного оружия и образование КНР. Две последних, по мнению автора, не следует воспринимать как определяющие.

Да, ядерное оружие появилось у Советского Союза в 1949 г., однако наличие достаточного для ведения серьезной войны количества ядерных зарядов, а также создание необходимых средств их доставки (в первую очередь, стратегической авиации) относятся к более позднему времени. Между тем, начинать войну неподготовленным — чрезвычайный риск.

Образование КНР также не стоит воспринимать как решающий аргумент. Китай только что вышел из длительной гражданской войны, поэтому значительная часть руководства КПК полагала, что необходимо в первую очередь сконцентрироваться на восстановлении страны, а не тратить силы и ресурсы вовне.

Таким образом, не стоит полагать, что образованная незадолго до этого КНР была мощным союзником, который радикально изменил баланс сил, и что Пекин был готов помогать Москве во всех ее начинаниях.

Поэтому следует допустить, что кроме трех озвученных причин была и четвертая, которая касается изменений не столько во внешнеполитической ситуации, сколько внутри СССР.

Дело в том, что Советский Союз 1950-х гг. был идеократическим государством, в котором решения принимались не только из соображений политической рациональности, но и в силу соответствия определенным идеологемам. Одной из таких идеологем был представление о революционной ситуации, которая неизбежно должна разрешиться разрушением старого порядка. Апелляция к подобной догме в идеократическом обществе достаточно действенна. Так же, как логика и политика Запада диктовали ему стратегию противостояния коммунистической экспансии, формальная логика Кремля не давала ему права оставить без внимания “революционную ситуацию” на Юге.

И если представители КНДР начинают заверять Москву в том, что на Юге налицо все признаки революционной ситуации, которую стоит лишь немного подтолкнуть, это не может быть проигнорировано. Во-первых, потому что в такой ситуации идеологическому союзнику не помочь нельзя. Во-вторых, революционная ситуация действительно позволила бы осуществить смену режима быстро и без особого риска.

Ссылки именно на такой характер аргументации есть в мемуарах М.С. Капицы²⁴, по словам которого Пак Хон Ён “утверждал, что на Юге сложилась революционная ситуация, что как только начнется наступление Народной армии, там произойдут мощные народные выступления, сеульские власти будут парализованы и согласятся на объединение”²⁵.

Основания так думать были. Масштаб левого сопротивления режиму Ли Сын Мана в 1948–1949 гг. был сравним с масштабом антияпонского сопротивления в Корее в начале XX в. В 1950 г. эта активность уже начала спадать. Сказались и проведенная режимом куцая аграрная реформа, и весьма жесткие меры по подавлению левых выступлений. Однако снаружи это было менее заметно, чем изнутри, и представители Северной Кореи вполне могли потрясать цифрами и фактами, однозначно говорящими о том, что объединение страны будет легким.

Автор полагает, что вся стратегия Москвы в корейском вопросе, включая невнимание к возможному американскому вмешательству, строилась на 100%-ной уверенности в том, что война на Корейском полуострове будет развиваться как блицкриг. Северокорейская армия в кратчайшие сроки подавляет сопротивление противника, захватывает Сеул, после чего по всей стране тут же разворачивается всенародное восстание, максимум за месяц южнокорейский режим прекращает свое существование, и международному сообществу придется мириться с новым положением дел на Корейском полуострове.

Это косвенно подтверждается тем, как выглядела северокорейская стратегия в первые дни войны, когда после блестящих успехов, почти полного разгрома южнокорейской армии в прифронтовой зоне и захвата Сеула армия КНДР примерно неделю не продолжает развивать успех, а чего-то ждет. М.С. Капица открыто говорит, что расчеты Пак Хон Ёна не оправдались²⁶.

Недельную паузу, которую трудно объяснить со стратегической точки зрения (особенно в условиях блицкрига), трактуют по-разному. По мнению М. Гастингса, она была вызвана необходимостью перегруппироваться и решить вопросы логистики²⁷. Однако дальнейший темп наступления северокорейцев таких пауз не знал, несмотря на гораздо большие проблемы в данной сфере.

Другая версия сводится к тому, что существовавший план нападения на Юг не предусматривал масштабных боевых действий после падения Сеула. Северокорейские стратеги ожидали, когда же начнется всеобщее восстание, которое в такой ситуации должно было стать естественной реакцией населения Юга на фактическое крушение режима. Но время шло, восстания не было — и северокорейское командование перешло к дальнейшим действиям, упустив, как стало ясно позже, драгоценное время.

Какой была бы стратегия Москвы, если бы там заранее знали, что народные массы Юга не поддержат вторжение северян? Вопрос интересный. Но когда случилось то, что случилось, отступать северянам и тем, кто их поддерживал, было поздно. Москва и Пекин были дезинформированы относительно силы левого движения на Юге.

Что стояло за отсутствием советского представителя в Совете Безопасности ООН?

Сторонники теории «войны Сталина» полагают, что советский представитель вполне мог появиться на судьбоносном для Кореи заседании Совета Безопасности ООН и наложить «вето» на принятую там резолюцию, но раз этого не произошло, значит Сталин изначально планировал появление на полуострове американских войск и эскалацию конфликта. То, что Малик впоследствии не был наказан за этот дипломатический просчет, также используется ими как аргумент, что все изначально было запланировано.

К сожалению, эта аргументация тоже страдает рядом недостатков. Во-первых, забывается, что Советский Союз бойкотировал заседания Совбеза с января 1950 г., и отсутствие Малика не носило «разового» характера. Во-вторых, мы оцениваем решение, опираясь на «послезнание»: но если историкам начала XXI в., знающим, что было потом, американское участие в войне кажется очевидным, то дипломаты 1950 г. подобное развитие событий самым вероятным могли и не считать.

В ответ на этот тезис, правда, обличители Кремля обычно задают вопросы: “неужели было непонятно, что Соединенные Штаты будут активно участвовать в Корейской войне на стороне Юга?”.

Посмотрим, на основании каких предпосылок мог быть сделан вывод о том, что США примут в войне самое активное участие.

— Незадолго до этого американцы “потеряли” стратегически куда более значимый для них Китай. И что? США не вступили в войну на стороне Чан Кай-ши. Если они не поддерживали такого старого союзника, то поддержат ли они Ли Сын Мана, имеющего гораздо более одиозную репутацию?

— В речи госсекретаря Ачесона Корея вынесена из оборонного периметра тех стран, которые Америка обещала защищать. Это несложно истолковать как знак будущего невмешательства США в корейские дела в силу “недостаточной важности” для них Кореи.

— К лету 1950 г. на карте мира можно было найти много мест, где “коммунистическая угроза” могла перерасти в серьезное военное столкновение. При этом основным фронтом противостояния считалась Европа, где в 1949 г. возник кризис, связанный с Западным Берлином. Достаточно серьезной была и обстановка в Греции, где только что закончилась трехлетняя гражданская война между коммунистами и сторонниками монархии. Кроме того, сложная ситуация сохранялась в Югославии, на Филиппинах, Ближнем Востоке и т. п. Вопрос о том, рискнет ли Америка ввязываться в большой конфликт именно из-за Кореи, неочевиден. Тем более, что она воспринималась как менее вероятное “поле боя”, чем Западный Берлин, Греция, Турция или Иран²⁸.

Таким образом, гораздо логичнее, на наш взгляд, выглядит вывод о том, что Соединенные Штаты, наоборот, не рискнули бы пойти на военное вмешательство, тем более такого масштаба.

Как аргумент в пользу “войны Сталина” нередко рассматривают отрывок из мемуаров А.А. Громыко, посвященный этому событию. Цитируем:

“Сталин, прочтя присланную из Нью-Йорка телеграмму советского представителя при ООН Я.А. Малика, позвонил вечером мне:

— Товарищ Громыко, какую, по вашему мнению, в данном случае следует дать директиву?

Я сказал:

— Министерством иностранных дел, товарищ Сталин, уже подготовлена на ваше утверждение директива, суть которой сводится, во-первых, к решительному отклонению упреков по адресу КНДР и Советского Союза и к столь же решительному обвинению США в соучастии в развязывании агрессии против КНДР. Во-вторых, в случае, если в Совет Безопасности будет внесено предложение о принятии решения, направленного против КНДР либо против этой страны и СССР, Малик должен применить право вето и не допустить принятия такого решения.

Сказав это, я ждал реакции Сталина. Он заявил:

— По моему мнению, советскому представителю не следует принимать участия в заседании Совета Безопасности.

Тут же он в жестких выражениях высказался по адресу Вашингтона за его враждебное к нашей стране и КНДР письмо Совету Безопасности.

Мне пришлось обратить внимание Сталина на важное обстоятельство:

— В отсутствие нашего представителя Совет Безопасности может принять любое решение, вплоть до посылки в Южную Корею войск из других стран под личиной «войск ООН.

Но на Сталина этот довод особого впечатления не произвел. Я почувствовал, что менять свою точку зрения он не собирается»²⁹.

К данному отрывку стоит подойти внимательно, даже вынося за скобки вопросы о возможной ангажированности Громыко и отличии мемуаров как источника от официальных документов. Видно, что Громыко волнуется и объясняет что решение может быть любым, а Сталин своего решения не меняет. Почему?

В нашем распоряжении есть собственноручное объяснение Сталина — его ответ президенту ЧССР К. Готвальду, в котором перечисляются причины такой позиции Советского Союза. Цитируем:

— «Мы ушли временно из Совета Безопасности с четверной целью: во-первых, с целью продемонстрировать солидарность Советского Союза с новым Китаем; во-вторых, с целью подчеркнуть глупость и идиотство политики США, признающих гоминьдановское чучело в Совете Безопасности представителем Китая, но не желающих допустить подлинного представителя Китая в Совет Безопасности; в-третьих, с целью сделать незаконными решения Совета Безопасности в силу отсутствия представителей двух великих держав (СССР и КНР); в-четвертых, с целью развязать руки американскому правительству и дать ему возможность, используя большинство в Совете Безопасности, совершить новые глупости с тем, чтобы общественное мнение могло разглядеть подлинное лицо американского правительства.

Я думаю, что нам удалось добиться осуществления всех этих целей. После нашего ухода из Совета Безопасности Америка впуталась в военную интервенцию в Корею и тем растрчивает теперь свой военный престиж и свой моральный авторитет. Едва ли теперь может кто-либо из честных людей сомневаться в том, что в военном отношении она не так уж сильна, как рекламирует себя. Кроме того, ясно, что Соединенные Штаты Америки отвлечены теперь от Европы на Дальний Восток. Дает ли все это нам плюс с точки зрения баланса мировых сил? Безусловно дает.

Допустим, что американское правительство будет и дальше увязать на Дальнем Востоке и втянет Китай в борьбу за свободу Кореи и за свою собственную независимость. Что из этого может получиться? Во-первых, Америка, как и любое другое государство, не может справиться с Китаем, имеющим наготове большие вооруженные силы. Стало быть, Америка должна надорваться в этой борьбе. Во-вторых, надорвавшись на этом деле, Америка будет не способна в ближайшее время на третью мировую войну. Стало быть, третья мировая война будет отложена на неопределенный срок, что обеспечит необходимое время для укрепления социализма в Европе. Я уже не говорю о том, что борьба Америки с Китаем должна революционизировать всю Дальневосточную Азию. Дает ли все это нам плюс с точки зрения мировых сил? Безусловно, дает.

Как видите, дело об участии или неучастии Советского Союза в Совете Безопасности не такой уже простой вопрос, как это может показаться на первый взгляд»³⁰.

Это объяснение представляется достаточно исчерпывающим с учетом как ожиданий Москвы относительно итогов вторжения, так и международной обстановки.

новки того времени, когда главной ареной будущей войны между двумя системами виделась Европа. С точки зрения Сталина, ситуация, когда Соединенные Штаты а) растрачивают силы, б) вынуждены перенести свое внимание на второстепенный участок, выгодна Советскому Союзу, который за это время может укрепить собственные позиции.

Что же касается американо-китайского противостояния, то, как видно из текста письма, Сталин не столько планирует вовлечение Китая в конфликт, сколько допускает подобное развитие ситуации в рамках стратегии истощения Соединенных Штатов, которые, увязнув в конфликте на Дальнем Востоке, будут не в состоянии начать серьезные военные действия в Европе.

Более того, если бы все произошло так, как ожидалось в Москве и Пхеньяне на момент голосования (режим Ли Сын Мана сметается при безусловной поддержке народом Юга правительства КНДР), поддержавшие его США действительно бы “продемонстрировали глупость и идиотство”, снова (после Чан Кайши) поддержав неудачника. Если же они попытались бы продолжать предъявлять претензии, можно было бы развернуть дипломатическую борьбу, исходя из того что решение о введении войск принималось в отсутствие двух членов СБ из пяти и, следовательно, неправомочно. Москве нужна была поддержка Пекина, и она весьма жестко настаивала на том, что место в СБ должно принадлежать ему.

К тому же, если бы Сталин действительно осознанно желал крупномасштабного противостояния США и Китая именно как военного конфликта двух сторон, что ему мешало добиться ситуации, при которой КНР приняла бы участие в войне не в завуалированной форме “добровольцев”, а открыто, под своим флагом. Или убедить/надавить на Пекин, что стоит развить успех, постаравшись захватить Тайвань.

Сталин о войне в целом

Еще одним доказательством агрессивности Сталина часто считают его шифротелеграмму Мао Цзэдуну от 5 октября 1950г., в которой в ответ на письмо Мао от 2 октября он пишет: *“Конечно, я считался... с тем, что, несмотря на свою неготовность к большой войне США из-за престижа могут втянуться в большую войну; будет, следовательно, втянут в войну Китай, а вместе с тем втянется в войну и СССР, который связан с Китаем пактом о взаимопомощи. Стоит ли этого бояться? По-моему, не следует, так как мы вместе будем сильнее, чем США и Англия, а другие капиталистические европейские государства без Германии, которая не может сейчас оказать США какой-либо помощи, не представляют серьезной военной силы. Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен как союзник США, и когда у США и Японии будет готовый плацдарм на континенте в виде лисынмановской Кореи”*³¹.

Это письмо Сталина очень любят цитировать, вырывая из него отдельные куски и представляя этот текст как чуть ли не главное доказательство замыслов Сталина начать в Корее Третью мировую войну. Действительно, вне своего контекста он может интерпретироваться и так. Однако, по мнению автора, гораздо более соответствующей историческому контексту является трактовка, при которой Сталин говорит о том, что **если** война неизбежна, то выгоднее вести ее сейчас.

С точки зрения Сталина, США не готовы к большой войне, а Япония, “милитаристские силы которой не восстановлены”, не сможет оказать под-

держку. Поэтому в таких невыгодных условиях США будут вынуждены отказаться от превращения Кореи, Тайваня и Японии в свой плацдарм. С точки зрения Сталина, без внушительной демонстрации силы Китай не смог бы добиться таких уступок. Сталин пишет, что он, конечно же, предусматривал вариант, когда США могут втянуться в большую войну и, следовательно, в войну будет втянут Китай, а затем — СССР. Судя по контексту, речь идет не столько об участии добровольцев, сколько о варианте, при котором США начинают войну на китайской территории.

И только после этого следует сакраментальное: “Стоит ли этого бояться?”. Важно, что в этом контексте я трактую цитату “*пусть она будет теперь*” не как “Так давайте же ударим по ним поскорее!”, а как “если придется воевать, то нам выгоднее сейчас, пока враг не отмобилизован”. Сталин считает, что война все равно начнется, но если начинать ее сегодня, то у социалистического лагеря есть определенные преимущества: выгоднее начать ее сейчас, а не позже, когда на службу США и их союзникам будет поставлена восстановленная военная мощь Германии и Японии. Кроме того, по мнению ряда авторов, в определенной мере Сталин рассчитывает на утечку информации и дает понять, что если Америка пойдет на атомную войну, Россия и Китай ее не убоятся.

Так что надо обладать очень специфическим видением ситуации, чтобы трактовать эти высказывания как “потрясающие зловещей откровенностью”³².

Вышеизложенное, на наш взгляд, дает основание понять, что “войной Сталина” Корейская война не была. Да, Москва дала “добро” на эту войну, а затем максимально использовала развитие событий в своих собственных интересах, однако инициатором этого процесса ее назвать нельзя. Более того, одобрение планов Пхеньяна начать эту войну строилось, по сути, на ошибочном представлении о том, что на Юге существует революционная ситуация, и свергнуть там режим будет чрезвычайно легко. И даже если Соединенные Штаты примут участие в этом конфликте, он закончится так стремительно и так победно, что Америка только подорвет на этом свой авторитет.

Война Трумэна и Макартура?

Теперь рассмотрим ту версию Корейской войны, в которой в роли ужасного зла, наоборот, выступают американцы. В российской историографии эта точка зрения встречается в книге А.С. Орлова и В.А. Гаврилова “Тайны корейской войны” (М., 2003), а также — на различных сетевых ресурсах Интернета.

В основе данной концепции лежат следующие тезисы:

- США активно подталкивали Юг к войне с Севером, рассчитывая затем вмешаться в конфликт и устроить Третью мировую войну;

- Они манипулировали информацией с целью спровоцировать Москву и Пхеньян на силовое решение конфликта, но таким образом, чтобы в случае войны США не выглядели агрессором;

- С этой целью они намеренно ослабляли Юг, используя его как приманку.

- В качестве доказательства этой точки зрения ее сторонники используют следующие факты:

- Поддержка Соединенными Штатами агрессивных стремлений Юга, в доказательство которой приводится целый ряд высказываний американских политиков и военачальников.

- Слабая поддержка Америкой РК в военной области, в том числе намеренное игнорирование северокорейской угрозы.

- Речь Ачесона, которую они воспринимают как стратегическую дезинформацию, призванную создать видимость отсутствия в РК американских интересов.

- Политику США после начала войны, которую они отождествляют с политикой генерала Макартура, приписывая Вашингтону то, что замыслил и планировал он.

То, что власти Республики Корея хотели силового объединения, причем — чем быстрее, тем лучше, и не делали секрета из своих планов, — общеизвестно. В то время как Ким Ир Сен и Пак Хон Ён строили свои планы, не предавая их особой огласке, Ли Сын Ман и его министры открыто говорили о том, что поход на Север — дело ближайшего будущего. В течение 1949 г. Ли Сын Ман намеренно санкционировал серию пограничных провокаций, чтобы доказать необходимость американского присутствия в Корее и втянуть США в конфликт помимо их воли. Угроза с Севера была также поводом для получения дополнительной американской экономической и военной помощи.

Начиная с января 1948 г., генерал Ходж постоянно извещал командование о столкновениях на 38-й параллели. При этом, по его мнению, основным инициатором инцидентов был Юг: “Ввиду любви корейцев к сражениям, хотя у нас и нет прямых доказательств, было бы разумно предположить, что северокорейские нападения являются ответной реакцией на южнокорейские нападения. Я возобновлю свои усилия, чтобы убедиться в том, что инциденты не провоцируются южнокорейцами”³³.

Но авторы критикуемой концепции, приводят серию высказываний представителей американской администрации, сделанных в той же стилистике. Так, известную цитату из Макартура о том, что “вашу землю разделил искусственный барьер, но он должен быть сметен и будет сметен”, приводит М. Гастингс в своей книге о Корейской войне³⁴.

Это касается и высказываний различных представителей власти США по корейскому вопросу. То, что они говорили, в большей степени рассматривается как частное мнение или мнение той или иной заинтересованной группы, но представлять себе, что высказывания даже такой высокопоставленной персоны как Макартур тождественны официальной точке зрения американской администрации, значит ошибаться. Помимо первых лиц государства, “от имени страны” говорит только министр иностранных дел. Высказывания этой тройки не могут быть дезавуированы.

Последнее очень важно в связи с тем, что речь Ачесона была заявлением как раз того человека, который имел право говорить от имени страны, и потому была воспринята как указание на новое направление американской политики.

Вернемся к плюрализму по корейскому вопросу. Да, Макартур был не одинок в своем желании объединить Корею. За ним стояла влиятельная фракция в американском истеблишменте, которую А. Миллетт называет “азианистской”³⁵. Но ей противостояли скептики, в т.ч. тогдашний министр обороны Луис Джонсон, а равно специалисты из РУМО³⁶ и ЦРУ, которые предупреждали о том, что излишнее развитие успеха может быть чревато вмешательством в войну СССР и КНР.

Можно спорить относительно того, что лежало в основе американского решения перейти 38-ю параллель и продолжить войну “на чужой территории”. Во-первых, развитие успеха в военной операции — вещь естественная, и целый ряд американских генералов указывал на то, что на войне нельзя прибегать к полумерам. Если закончить войну сейчас, где гарантия, что северокорейцы через некоторое время не попытаются начать ее вновь? Во-вторых, к чисто военным аргументам активно примешивались политические: появилась возможность красивой победы “свободного мира” над коммунистическим режимом. В-третьих, правительство демократа Трумэна находилось под постоянным давлением справа со стороны республиканцев, особенно — Маккарти и К°, и должно было продемонстрировать бескомпромиссность по отношению к коммунистам. Наконец, все это активно подогревалось действиями Ли Сын Мана.

И как бы то ни было, это решение было принято в процессе войны и под влиянием благоприятной конъюнктуры, а не задолго до ее начала.

Верить тому, что война началась с внезапного, неожиданного и не спровоцированного наступления северян, значит — совершить ошибку. Еще в сентябре 1949 г. комиссия ООН по Корее направила Генеральной Ассамблее ООН доклад, в котором отмечалось, что военные столкновения в стране могут перерасти в серьезный конфликт.

По мнению А. Ланькова, перед началом войны концентрация войск на границе приняла такие масштабы, что не заметить их было невозможно, да и военная разведка, северокорейским направлением которой тогда руководил тот самый Ким Чжон Пхиль, который впоследствии стал одним из соратников Пак Чжон Хи, неоднократно предупреждала свое руководство о том, что крупномасштабное вторжение произойдет в ближайшие дни. Но начальник южнокорейского Генштаба генерал Чхэ Бен Док отдал приказ не предпринимать никаких мер до уточнения ситуации³⁷.

За несколько недель до начала войны армия РК была приведена в состояние повышенной боевой готовности. Однако буквально накануне войны это состояние было отменено начальником Генштаба армии РК, а войска на Ончжинском полуострове (наиболее опасное направление удара) не были усилены. Более того, значительное число военнослужащих получили увольнения на выходные (по данным Орлова и Гаврилова — 2/3 личного состава). Такое снижение боеготовности в критической ситуации сторонники “красного” мифа полагают очевидной уликой.

Из этого делается вывод, что штаб Макартура не мог не знать о готовящейся войне. Орлов и Гаврилов утверждают, что стратегические направления вероятной атаки северян были очевидны американским штабистам и их южнокорейским коллегам. Более того, со ссылкой на Б. Каммингса они утверждают, что в течение последней недели перед войной Пентагон распространил план SL 17 на случай вторжения северян, и план этот практически точно повторял ход войны, включая удержание наступающего противника на Пу-санском периметре и последующую контратаку-десант в районе Инчхона.

Все это, по мысли авторов концепции, указывает на то, что США прекрасно знали о нападении северян и даже разрабатывали контрмеры, но не сделали ничего, чтобы это нападение предотвратить. Однако по каждому из этих “доказательств” можно привести контраргументы.

Начнем с того, кто разрабатывает оперативные планы действий. Достаточно часто этим занимаются штабисты. Как хорошо сказал один из моих знакомых офицеров, “если хорошо покопаться в планах российского Генштаба, там можно найти даже план действий на случай военного конфликта с Австралией, однако это не означает, что министерство обороны вынашивает планы захвата пятого континента”. Разработка штабных планов нападения или обороны — относительно рутинная практика, выполняемая для того, чтобы в случае агрессии это не пришлось бы делать в спешке.

Но стандартной ошибкой людей, далеких от армии, является представление о том, что сначала начинается война, а потом штаб обороняющейся стороны начинает с нуля разрабатывать план действий. Обычно, если понятно, что война на пороге, разработку оперативных планов начинают обе стороны, чтобы, когда конфликт начнется, большинство вариантов его развития уже было бы рассмотрено.

Поэтому наличие подобных оперативных планов само по себе не является для меня определяющей уликой. Они являются очень важным доказательством в общем контексте, но скорее говорят о том, что “рассматривалась возможность совершения данного действия”, а не о том, что данное действие планировалось к выполнению и безусловно было одобрено руководством.

Необходимо отметить и то, что понимание происходящего далеко не всегда тождественно обладанию силами и ресурсами для того, чтобы воздействовать на ситуацию.

Если говорить о действиях южнокорейской армии накануне войны, то иногда не стоит искать злой умысел там, где налицо была элементарная безалаберность. Напомним, что она не всегда адекватно подчинялась Центру, с одной стороны, а с другой — была значительно поражена административными пороками: коррупцией, протекционизмом и т.д. Кажущееся благодушие было скорее следствием того, что никто не хотел прилагать лишние усилия.

Кроме того, состояние повышенной боеготовности — это напряженный режим, который не может длиться долго, особенно когда явной угрозы нет или кажется, что нет. Поэтому я вполне могу допустить, что, выждав какое-то время, южнокорейские генералы вполне могли решить, что и на этот раз обойдется. Фатальная ошибка, усугубленная тем, что и у Севера, и у Юга не было того аппарата разведки и тех методов анализа информации, которые существуют сейчас, и которые мы по умолчанию полагаем существовавшими ранее.

Наконец, о высадке в районе Инчхона. Эта операция, которая переломила ход войны, действительно разрабатывалась, однако вероятность ее успеха оценивалась весьма критически. Из-за сложного фарватера и иных сопутствующих проблем американский Генштаб полагал, что этот план очень рискованный, и Макартур “продавил” его, опираясь исключительно на личный авторитет. Перед началом войны или вскоре после него это отнюдь не было основной стратегией.

Указывая на слабость южнокорейской армии, южнокорейские левые историки делают вывод о том, что американцы намеренно не снабжали южнокорейскую армию всем необходимым, несмотря на то, что о возможном начале войны было известно. В качестве доказательства использовалось письмо Ли Сын Мана Трумэну, в котором тот жалуется на то, что боеприпасов в его армии всего на 2 дня, и “мы не можем нападать на территорию к северу от 38 параллели”. Трумэн в ответ советует уделять больше внимания не военным проблемам, а экономике.

Собственно, даже данный текст хорошо показывает, что американцы скорее сдерживали Ли Сын Мана, так как не были заинтересованы в том, чтобы конфликт на полуострове разгорелся. Иное дело, что Ли Сын Ман постоянно увеличивал число военнослужащих, в результате чего южнокорейская армия увеличивалась, но становилась менее боеспособной.

Нельзя сказать, что американское руководство не помогало Южной Корее. Напротив, режим во многом держался на американской помощи. Однако большая часть американского истеблишмента старалась сдерживать реваншистские амбиции Ли Сын Мана, имея к нему весьма критичное отношение.

Нет однозначного мнения относительно того, чем была продиктована такая политика США. Существует несколько точек зрения. Первая предполагает, что Соединенные Штаты вообще были против попыток Южной Кореи вести агрессивную и экспансионистскую политику и были готовы защищать идеалы демократии, но именно защищать в случае, если они подвергнутся атаке. Вторая состоит в том, что Южную Корею сдерживали потому, что конфликт именно «на этом участке фронта» Соединенным Штатам не был выгоден: они тоже принимали во внимание роль КНР и размах революционного движения на Юге (не забудем, что американские инструкторы принимали участие в антипартизанской кампании) и потому осознавали, что если Ли Сын Ман решит самостоятельно расширить масштаб конфликта, для него это добром не кончится, а защищать его все равно придется, несмотря на то, что это стратегически невыгодно. Поэтому лучше подержать его на голодном пайке, не снабжая оружием, способным создать у него такую иллюзию силы, чтобы она могла привести к активным действиям.

Согласно еще одной трактовке американцы были бы не против экспансии Юга на Север, но «не сейчас»: пусть Ли Сын Ман сначала создаст нормальную армию, которую можно будет снабдить современной американской техникой, будучи уверенным в том, что в случае конфликта она не окажется у северокорейцев, а следовательно — и у русских (заметим, во многом получилось именно так). Пусть он сначала сумеет подавить левое движение и построить нормально функционирующее государство с тем, что когда экспансия начнется, американская поддержка была бы минимальной. Вот когда это случится, можно и начать готовить южнокорейскую армию к серьезной войне. А пока рано.

Как бы то ни было, большая часть генералитета США, включая Брэдли и Макартура, выступали против активного снабжения РК американской военной техникой³⁸. Дело было не столько в пацифизме, сколько в том, что американское оружие было нужно в Европе, где началось формирование блока НАТО. Что же до азиатских армий, то был неприятный случай с Чан Кайши, когда почти все, чем снабжали армию Гоминьдана, попало к коммунистам после его разгрома.

К тому же, генерал Макартур полагал, что силы и средства для американской армии на Дальнем Востоке должны поступать не Ли Сын Ману, а ему в Японию. Тем более, что в случае войны между СССР и США Япония однозначно должна была играть для Америки роль региональной военно-морской базы и перевалочного пункта.

Республиканцы же были настроены помогать скорее Ли Сын Ману, чем Макартура, и между ними и военным руководством шла довольно тонкая игра³⁹. Генерал Робертс — руководитель группы американских военных советников намеренно преувеличивал боевые возможности армии РК с тем, чтобы она не каза-

лась конгрессменам слабой армией, которую надо финансировать за счет американских налогоплательщиков.

Стоит учитывать и то, что армия США перед войной проходила болезненный процесс реорганизации, в результате которого 80% армейского резерва было непригодно к использованию, и даже войска в Японии имели запас боеприпасов только на 45 дней. По мнению Гастингса, именно такое сложное положение американских войск в Корее стало причиной решения об исключении Кореи из американского периметра обороны⁴⁰. Таким образом, за сокращением американских войск и нежеланием поставлять Ли Сын Ману тяжелую технику стояли не только политические, но и экономические причины.

Тем не менее, со времени объявления независимости РК и до начала войны американцы оказали Югу военную помощь на 141 млн долл. Однако Миллет упоминает, что значительная часть этих денег была растратчена. Кроме того, это не была помощь тяжелой техникой, способной сравниться с северокорейской.

Отметим и некоторые особенности армии РК, которые несколько меняют картину. Дело в том, что армии Севера и Юга изначально создавались под разные военные доктрины. Советская, которой соответствовала северокорейская армия, предполагала, что армия должна самостоятельно защищать страну от внешней угрозы, и была ориентирована на противостояние не только РК, но, возможно, и Японии. Напротив, для южнокорейской армии на этапе ее формирования главным врагом был внутренний — левые партизаны, для борьбы с которыми было вполне достаточно армии меньшей численности и оснащенности, поскольку противник все равно ей уступал. Что же до внешней угрозы, то Ли Сын Ман был уверен в том, что США не бросят РК на произвол судьбы, и потому главное для южнокорейской армии в этом случае — продержаться необходимое время, пока не придут американцы. Когда Южную Корею “вынесли за скобки”, Ли начал требовать компенсации и поставок оружия с тем, чтобы аврально усилить ее, но не успел.

12 января 1950 г. Государственный секретарь США Дин Ачесон выступил в Национальном клубе прессы с важной речью, которая была направлена на то, чтобы попытаться вбить клин между Советским Союзом и коммунистическим Китаем. Он заявлял, что Америка не против Китая, но против его сближения с СССР, что американцы не так уж сильно привязаны к Тайваню, и периметр их стратегических интересов охватывает Японию, Окинаву и Филиппины. Что касается Кореи и Тайваня, то они могут рассчитывать на помощь всего цивилизованного мира через ООН.

В марте 1950 г. Совет национальной безопасности США подготовил директиву СНБ № 68, где Южная Корея, как и Ближний Восток, определялась как потенциальное направление советской экспансии. При этом о речи Ачесона знал весь мир, о директиве 68 — очень узкий круг людей.

Авторы концепции видят в речи Ачесона злой умысел и делают вывод о том, что речь носила отвлекающий или провокационный характер для Севера.

На деле речь отражает разногласия внутри американского руководства, которые на тот момент были весьма серьезными. Касались они как вопроса о стратегии сдерживания коммунизма, так и вопроса об определении наиболее вероятного “направления главного удара”. Многим американским политикам казалось, что конфронтация неминуема. Вопрос в том, как пра-

вильно распределить силы для отражения предстоящего удара и какие страны действительно надо защищать.

С точки зрения американских специалистов по геополитике и стратегическому планированию, главная угроза американским интересам была сконцентрирована в Европе и, в меньшей степени, в Восточном Средиземноморье. Многие политики полагали, что в такой ситуации держать гарнизон в Корее не рационально. К тому же, в отличие от Джона Даллеса, который отстаивал интересы США на Востоке, Ачесон сам по себе был сторонником ориентации на Европу: следует помнить, что 1949 г. — это год окончательного раздела Германии и создания блока НАТО, что имело для Соединенных Штатов гораздо большее значение.

Речь можно рассматривать и сквозь призму американо-китайской политики, а также — расклада сил внутри США. К идее периметра американцы пришли для того, чтобы перегруппироваться и стабилизировать свои позиции на Дальнем Востоке, покачнувшиеся из-за краха режима Чан Кайши, в который они вложили 4 млрд долл. Ряд американских историков (например, Дональд Кларк) считает, что Трумэн и Ачесон были уверены в неизбежности падения гоминьдановского режима и заранее пытались смягчить потери. Однако правое республиканское большинство критиковало эту политику, думая, что если Россия не будет помогать китайским коммунистам, их можно будет легко остановить. Поэтому впоследствии американцы все же приняли меры к укреплению Тайваня, чтобы остановить продвижение коммунистов в Азии.

Что же до собственно Кореи, то не забудем, что военно-политическая доктрина США после Второй мировой войны была направлена на сдерживание коммунизма с помощью плана Маршалла или организаций вроде НАТО и развитие авиации как основного вида ВС. Кроме этого, часть расходов американцы пытались возложить на плечи своих союзников или ООН. Для реализации такой доктрины им были необходимы военные базы во всех стратегических точках, однако вопрос о том, считать ли такой точкой Корею, находился в стадии рассмотрения. Именно потому, понимая характер Ли Сын Мана и зная о его реваншистских устремлениях, США не торопились вооружать армию РК, так как боялись, что получив способные к войне вооруженные силы, Ли Сын Ман нападет на Север первым и втянет Америку в войну “не в то время и не в том месте”.

Напомним, что Госдепартамент не особенно поддерживал режим Ли Сын Мана, который казался ему слишком одиозным, недемократичным и опасным с точки зрения вероятности вовлечения США в конфликт, где они будут защищать не свои, а чужие интересы.

Представляется, что именно поэтому Корею изначально не включили в периметр обороны. Некоторые историки полагают, что к 1950 г. Америка действительно “сдала” Южную Корею, но начало войны заставило ее пересмотреть свою позицию. Отдельные американские аналитики ожидали перетекания конфликта в крупномасштабное столкновение коммунизма и свободного мира, которое случится именно в Азии, однако они проглядели “направление главного удара”, полагая, что война на Дальнем Востоке начнется на Тайване.

Когда война началась, не поддержать было нельзя. Это было бы воспринято как отказ от борьбы с коммунизмом. Та же логика, сообразно которой Москва не могла не поддерживать “революционную борьбу” на Юге.

Помимо этого, Джон Фостер Даллес был абсолютно уверен в том, что захват Кореи был спровоцирован русскими с тем, чтобы зажать Японию в клещи

между Кореей и Сахалином. Подобная точка зрения поддерживается рядом историков. Особенно теми, кто не занимался Кореей профессионально и рассматривал события в более глобальном ракурсе. Иные, как, например, профессор Джон Миллер, подчеркивают, что не важно планировал Сталин захват Японии или нет. Важно, что тогдашние американские власти интерпретировали мотивацию агрессии именно так.

О Макартуре и не только

Особое место в планах конспирологов занимают действия генерала Макартура. По их мнению, он не только наиболее активно поддерживал Ли Сын Мана в желании развязать войну против Севера, но и впоследствии намеренно приводил заниженные данные о численности и боеготовности северокорейских, а затем и китайских войск. Таким образом он будто бы хотел добиться эскалации конфликта, а потом, воздействуя на общественное мнение (“наши парни там погибают”), превратить Корейскую войну в Третью мировую, начав ядерные бомбардировки китайской территории и открыв второй фронт против КНР при помощи армии Тайваня.

В контексте последующих событий высказывания Макартура, в том числе сделанные во время встречи с президентом, можно представлять как сознательную дезинформацию, но вопрос о том, лгал он или ошибался, упирается в представления о нем как человеке и политике.

Действительно, к моменту начала войны Макартур был практически американским “проконсулом” Дальнего Востока. Уже пожилой и достаточно авторитарный человек был уверен в том, что в данном регионе он может вершить самостоятельную политику, и одним из обвинений в его адрес перед его отставкой было то, что его встречи с Чан Кайши осуществлялись по протоколу встреч первых лиц государства. Но можно обратить внимание и на то, что после своей отставки Макартур выпал из политики и не пытался оспаривать мнение президента. Макартур привык воевать против уступающего ему численно или технически противника, что наложило отпечаток на его действия и оценки во время Корейской войны. Так, изначально он был готов “уделать врага одной левой” (“with one hand tied behind my back”), однако уже 29 июня 1950 г. Макартур, который ранее собирался “решить проблему” силами всего одной дивизии⁴¹, заявил, что их потребуется, как минимум, две. А в середине июля он говорил уже о четырех дивизиях, называя северокорейского солдата “чрезвычайно серьезным противником”⁴².

Нечто похожее случилось и в отношении вмешательства КНР. До самого момента столкновения США не принимали всерьез китайский фактор и были уверены, что концентрация китайских войск на корейской границе — пропаганда. 2 мая 1951 г., уже после отставки Макартура, на слушаниях в американском Конгрессе было оглашено содержание его беседы с Трумэном. Получалось, что 15 октября на о. Уэйк. Макартур ввел президента в заблуждение, утверждая, после падения Пхеньяна китайцы упустили возможность для интервенции⁴³, что Китай сможет переправить в Корею войска численностью не более 50–60 тыс. чел. и их без проблем уничтожит американская авиация⁴⁴. Макартур был уверен в том, что китайской интервенции в Корею не будет: “Китайцы знают, что если они примут участие в войне, произойдет великая бойня”.

Когда китайские “добровольцы” резко изменили ход войны, внутри США обозначились две тенденции. Макартур был уверен, что Америки “хва-

тит на всех”, и снова начал агитировать за вторжение в КНР на двух фронтах сразу. Еще в течение октября 1950 г., когда китайцы только появились в военных сводках, он пытался убедить Трумэна продолжить военные действия на территории Маньчжурии.

Однако многие придерживались более рациональной точки зрения. Как сказал тогдашний председатель Объединенного комитета начальников штабов армии США генерал Брэдли, распространение войны на Китай вовлекло бы Америку “не в ту войну, не в том месте, не в тот момент и не с тем противником”⁴⁵. Трумэн тоже понимал, что нападение на Китай увеличивало вероятность вступления в войну Советского Союза.

В связи с этим снова было заявлено, что цель действий “сил ООН” — обеспечение безопасности вдоль 38-й параллели. Макартур, однако, воспринял такое изменение ситуации как свое личное поражение и начал требовать, чтобы США угрожали Китаю атомными бомбами и морской блокадой. К тому же, в ноябре 1950 г. на выборах в Конгресс США демократы утратили большинство, и давление на Трумэна усилилось. Его обвиняли в слабости, хотя потери американских войск объясняли не плохой тактикой, а численным превосходством китайцев.

На этом фоне Трумэн дал команду Макартуру начать переговоры с Китаем с тем, чтобы быстрее закончить войну. В качестве средства давления на Китай ему было предложено наметнуть КНР, что если война затянется, она может быть перенесена на собственно китайскую территорию. Однако Макартур практически открыто пошел против Трумэна, заявляя, что Чан Кайши должен открыть второй фронт. После этого заявления, 11 апреля 1951 г., вскоре после того, как войска ООН во второй раз отбили Сеул, но не смогли продвинуться дальше, Макартур был снят.

Война Мао?

Эту точку зрения защищал один из старейших российских дипломатов-китаистов покойный Андрей Мефодиевич Ледовский. В годы Корейской войны он был генеральным консулом СССР в Шэньяне (Мукдене) — столице Маньчжурии и главной тыловой базе китайских добровольцев — и плотно общался с теми китайскими руководителями, которые отвечали за корейское направление. Работая впоследствии в ИДВ РАН, Ледовский занимался историей советско-китайско-американских отношений периода Второй мировой войны и после нее.

Он считал, что Чан Кайши не был американским ставленником и поддержка Москвой Мао Цзэдуна, возможно, была не самым верным решением. Отзыв из Китая советских военных советников и прекращение поставок Гоминьдану оружия и стратегических материалов Ледовский рассматривал как неверный шаг, который ослабил советские позиции в Китае и, наоборот, способствовал усилению американцев, которые заняли образовавшуюся нишу и после прихода к власти Трумэна во многом действительно превратили гоминьдановский режим в проамериканский.

Мао являлся для него виновником Корейской войны, который действовал в рамках разработанной им доктрины, предусматривавшей политическую перестройку во всей Азии путем развязывания гражданских войн и свержения некоммунистических режимов. Однако, не понимая до конца всей глубины интриги

Мао и дорожа таким важным стратегическим союзником, Москва в определенной мере шла на уступки Пекину, отчасти поощряя его гегемонистские устремления.

С точки зрения Ледовского, Мао Цзэдун с самого начала вел свою игру, рассчитывая привести к власти прокоммунистическое правительство, подчиненное не столько Москве, сколько Пекину. Масштаб связанного с этим кровопролития его не останавливал.

Помимо этого, Ледовский исходит из представления о том, что никакой напряженности на 38-й параллели не было, и все разговоры об этом являются исключительно пропагандой Севера и Юга, раздувавшей данный фактор в интересах “холодной войны”. Шифротелеграммы, которые отправлял в Москву посол Штыков, Ледовский считал не заслуживающим доверия источником, поскольку всю эту информацию посол в Пхеньяне получал от Ким Ир Сена, не имея возможности ее перепроверить на основе собственных агентурных данных. По мнению Ледовского, этот “непроверенный, сырой материал” в Москве всерьез не воспринимался.

К “двойной игре” Мао Ледовский причислял заверения Мао Ким Ир Сenu о готовности оказать КНДР помощь в борьбе против южнокорейского режима и американских империалистов. Авторы книги “Корея в огне войны” полагают, что уже в мае 1949 г. (то есть до образования КНР) Мао был довольно решительно настроен в отношении возможного участия Китая в войне в Корее⁴⁶.

Со своей стороны Сталин, видимо, рассчитывал на то, что в случае эскалации конфликта на Дальнем Востоке основную роль возьмет на себя Китай. СССР же, несмотря на помощь техникой, останется в стороне, что позволит ему копить силы, в то время как Америка будет слабеть. Однако такие планы Сталина встретили определенное сопротивление КНР, вызванное целым комплексом причин. Мао не торопился вступать в конфликт, несмотря на американскую интервенцию. Ледовский трактует такое его поведение как очередное проявление коварства, направленное на то, чтобы вытянуть из Советского Союза побольше военной помощи, но при этом не ввязываться в рискованное мероприятие. По его мнению, Мао рассчитывал, что у Сталина не выдержат нервы, и на помощь Ким Ир Сenu придут советские войска, так как Москва не сможет оставить без внимания действия американцев у ее границ.

Ледовский приводит ряд документов того времени, из которых складывается следующая картина. Сталин требует сосредоточить войска на границе и обещает прикрытие авиацией. Мао не торопится и объясняет, что войска не готовы, недостаточно укомплектованы и хорошо бы получить из Москвы побольше военной техники. Эти моменты увязываются, Мао благодарит за помощь, однако продолжает хранить молчание по “главному вопросу” даже тогда, когда американцы высаживаются в Инчхоне и начинают контрнаступление. Сталин снова торопит Мао и предлагает послать хоть сколько-то войск. Однако 1 октября 1950 г. Мао объясняет свое молчание тем, что, во-первых, всего нескольких дивизий может оказаться мало, и при слабом техническом оснащении китайских войск их могут заставить отступить; во-вторых, открытое столкновение США и Китая может вывести ситуацию на новый виток противостояния, и “многие товарищи в ЦК КПК считают, что необходимо проявить осторожность”⁴⁷. Неудача может сорвать план китайского мирного строительства. Поэтому лучше потерпеть. А северо-корейцы, за которых мы переживаем, пусть переходят на партизанскую войну.

В октябре 1950 г. Сталин снова напоминает о прошлых заявлениях Мао и говорит, что нужно послать в Корею хотя бы 5–6 дивизий. Мао направляет в Москву специальную делегацию во главе с Лю Шаоци, а в ответном письме пишет, что посылать надо не 5–6, а как минимум 9 дивизий, что “для разгрома одного американского корпуса китайцы должны иметь четырехкратное превосходство в живой силе и двойное превосходство в техническом оснащении”⁴⁸. Мао утверждает, что у Китая нет ни технического оснащения, ни готовых для него кадров, ни должного количества денежных средств для закупки необходимого вооружения и боеприпасов. Войска в ближайшие дни двинуть можно, однако лучше подождать, пока американцы рассредоточатся, и их можно будет бить по частям.

9 октября 1950 г. Мао сообщил, что ее переход “добровольцев” на территорию Кореи состоится 15 октября. Данное заявление можно трактовать и как проявление коварства, и как готовность отправить войска раньше срока даже при недостаточном оснащении. Однако после того, как Лю Шаоци и Линь Бяо подробно доложили Сталину ситуацию и заявили, что для оснащения и обучения войск нужно минимум 6 месяцев, в Пекин была отослана телеграмма, в которой было рекомендовано войска не вводить, а северянам начать эвакуацию из Пхеньяна.

Этот документ был подписан Сталиным и Чжоу Энляем 11 октября. А 12 октября Сталин направил телеграмму послу СССР в КНДР, в которой ему поручалось сообщить Ким Ир Сenu о том, что китайцы не готовы, и потому надо фактически переходить к партизанской войне, эвакуируя столицу и занимая оборону в горах⁴⁹. Однако 13 октября Мао внезапно резко меняет свою позицию и сообщает Сталину через советского посла о решении двинуть свои войска на корейский фронт.

Этот резкий поворот Ледовский объясняет тем, что озвученные позже идеи Мао о “наблюдении за борьбой двух тигров” проявлялись уже тогда — Мао тайне вынашивал идею сближения с Америкой и рассчитывал извлечь пользу из советско-американского противостояния. Когда же стало понятно, что Москва не собирается ввязываться в конфликт и, не торопя Китай, фактически сдает Корею американцам, планы Мао были расстроены, и в интересах безопасности КНР он принял такое решение.

Такая трактовка, конечно, имеет право на существование, хотя надо помнить, что КНР в то время была для США безусловным врагом, и намерения целого ряда южнокорейских и американских лидеров развить успех и перенести военные действия на ее территорию были, скорее всего, известны Мао. Если принимать во внимание, что Мао полагал неминуемой эскалацию конфликта со стороны врага, то решение послать войска было очень логичным, ибо полностью захваченная американцами Корея являлась слишком хорошим плацдармом для нападения на КНР.

Ведь еще в августе 1950 г. Мао говорил: “если американские империалисты добьются успеха в Корее, они станут еще более наглыми и будут и дальше угрожать коммунистическому Китаю. Поэтому необходимо оказать помощь северокорейским товарищам путем посылки китайских добровольцев. Хотя время может быть согласовано позже, однако подготовка к нему должна быть начата”⁵⁰.

Из приводимых Ледовским документов также не очень понятно, насколько речь идет именно об искусственном затягивании сроков вступления в войну, а не о стремлении подготовиться к ней получше. Он сам подчеркивал, что китайские войска не были готовы к корейской кампании, особенно — ин-

тендантская и тыловая службы. Солдат изначально готовили к войне в тропиках против Тайваня, и потому первое время от холода, голода и простудных заболеваний их погибло больше, чем от американских снарядов. Ссылаясь на мнение китайских товарищей, автор отмечал, что если во время антияпонской войны оружие добывали, в основном, в бою, а бойцы пользовались активной помощью местного населения, то в Корее было плохо и с трофеями, и с местными, которые разбежались. Не было инфраструктуры транспорта и связи, из-за чего доставку боеприпасов и транспортировку раненых приходилось осуществлять буквально на руках. Все вышеизложенное служит, на наш взгляд, доказательством того, что Мао был прав, и для участия его войск в этой войне действительно требовалась дополнительная подготовка.

Более интересны приводимые данные о том, что корейская война вовсе не пользовалась в регионе общенародной поддержкой. Против нее выступали не только коммерческие круги, но и те, кто полагал, что вовлечение Китая в корейско-американский конфликт чревато для страны неприятностями. Американские авианалеты и угроза бактериологической войны только подпитывали эти настроения, которые проявлялись в многочисленных письмах на имя центрального правительства и лично Мао и в неприязненном отношении к представителям северокорейской власти (генконсульству КНДР в Шэньяне был фактически объявлен бойкот).

Если такие настроения действительно были сильны, то, принимая стратегически важное решение, Мао не мог не учитывать это. Риск ввязаться в крупномасштабную войну с США, чреватую потерей всех революционных завоеваний, действительно был весьма велик, поэтому колебания Мао вполне понятны и оправданны.

Война не только Ким Ир Сена?

И все-таки без ответа пока остается важный вопрос: “Если решение Москвы дать “добро” Пхеньяну на начало военных действий базировалось на ложной посылке о том, что сеульский режим вот-вот рухнет, то на основании каких данных было принято это решение, и кто сознательно или невольно снабжал Москву дезинформацией?”

В докладных записках российских дипломатов в Москву хватает данных о том, что южнокорейский режим находился в состоянии кризиса. Однако после закрытия в Сеуле советского консульства Москва не имела возможности собирать сведения о положении в РК напрямую.

И здесь появляется человек, чей вклад в Корейскую войну трудно переоценить, хотя до последнего времени о его роли в этом было известно очень немного. Речь идет о Пак Хон Ёне, руководителе коммунистов Юга и, согласно принятому мнению, одной из первых жертв Ким Ир Сена в борьбе за власть.

Привыкнув к самодержавному культу личности Ким Ир Сена более позднего времени, мы не до конца представляем себе, что в Северной Корее начала 1950-х гг. был довольно высокий уровень плюрализма, а Ким Ир Сен считался лишь первым среди равных. В докладе Штыкова от 15 сентября 1949 г. он и Пак Хон Ён постоянно упоминаются вместе.

В то время компартия Кореи состояла как бы из двух частей “северной” и “южной”. При этом “южная” как более многочисленная формально считалась

главнее, и даже после бегства на Север Пак Хон Ён продолжал считаться главой коммунистов Юга. Когда была создана Трудовая партия Кореи, разделение ее на “северную” и “южную” части какое-то время продолжало сохраняться, при этом на Севере ТПК изначально руководил Ким Ду Бон, а главой южан по-прежнему считался Пак Хон Ён. Только в 1949 г. это разделение упразднили, и главой партии стал Ким Ир Сен⁵¹. Однако в правительственной переписке с Москвой в качестве адресатов по-прежнему называли не только Кима, но и Пака.

Наряду с партийным руководством Пак Хон Ён занимал посты первого заместителя Ким Ир Сена как главы исполнительной власти и министра иностранных дел. Таким образом, общение с Москвой и Пекином и снабжение их информацией о ситуации в Корее шло, в первую очередь, через него. Пак был на 12 лет старше Кима, что тоже играло свою роль в общественном сознании.

Как министр иностранных дел, присутствовавший при всех переговорах Ким Ир Сена с Москвой и Пекином, Пак был влиятельным лицом при определении северокорейской внешней политики. Это рельефно обозначено в работах советских исследователей начала 1950-х гг.⁵², где Пак превозносится и цитируется не менее, чем Ким.

Таким образом, в 1949–1950 гг. Пак Хон Ён был как минимум вторым человеком в стране и имел хорошие шансы стать первым, тем более, что в Советском Союзе у него было достаточно покровителей и тех, кто ценил его и поддерживал дружеские отношения⁵³.

В СССР Пак пробыл довольно долго и с точки зрения карьерного роста добился не меньшего, чем Ким Ир Сен. Его статьи (см. сборник “ВКП(б), Коминтерн и Корея”, 1918–1941. М., 2007) демонстрируют весьма активную поддержку генеральной линии Москвы. Поэтому приоритетом в его политике были скорее ее интересы, а не интересы местных коммунистов.

По своим политическим взглядам относившийся к старой гвардии Коминтерна Пак Хон Ён принадлежал к идейным сторонникам “мировой революции”. Некоторые даже считали его троцкистом⁵⁴. Развязывание войны вполне отвечало его идеологическим воззрениям.

Будучи вождем коммунистов Юга и весьма активным участником борьбы за власть (напомним историю северокорейского Оргбюро ТПК и то, что до своего бегства на Север Пак формально считался главным коммунистом в Корее), он имел свой личный интерес. Ведь если бы война завершилась успехом, ТПК значительно расширилась бы за счет коммунистов Юга, существенная часть которых была его сторонниками. Учитывая, что по численности населения Юг вдвое превосходил Север, Пак вполне мог рассчитывать на то, что на ближайшем съезде партии у него будет прекрасная возможность “подвинуть” Ким Ир Сена за счет перевеса своих сторонников в партии. “Заработав очки” у советского руководства и проведя партийный съезд, на котором большинство участников будет из числа южан, Пак мог получить власть легитимно, не прибегая к насилию. При этом Москва вполне могла одобрить такой выбор народа.

Как бывший лидер коммунистов Юга, Пак Хон Ён не мог считаться некомпетентным в вопросе о том, что представляет собой внутривнутриполитическая ситуация в РК. Кроме того, он лучше, чем Ким, был подкован в административных играх и хорошо представлял, на какие идеологические рычаги необходимо давить, чтобы убедить московские власти принять нужное решение.

Аргумент, что на Юге существует революционная ситуация, и что развитие событий надо лишь чуть-чуть подтолкнуть, очень подходящий именно с этой точки зрения, особенно когда ты являешься единственным источником информации о положении на Юге страны и проверить ее достоверность невозможно.

Из подробных отчетов Штыкова Сталину хорошо видно, что Ким и Пак часто присутствуют вместе, при этом в определенных ситуациях Пак практически перехватывает инициативу разговора и в основном это касается курса на усиления масштабов войны. По сути дела, именно Пак Хон Ён озвучивал идеи о необходимости интернационализации конфликта и открытого использования китайских войск или советской авиации.

Непонятно, выдавал ли Пак желаемое за действительное, будучи отрезан от реальной информации, или сознательно “выдавал дезу”, но именно он был основным источником тех данных, на основании которых было решено воевать. А в сочетании с его активной позицией по “продавливанию” войны этого достаточно, чтобы считать Пака лицом, как минимум, не менее виновным, чем Ким.

Кстати, когда несколькими годами позже Пак Хон Ёна и его сторонников окончательно заклеили как “лакеев американского империализма”, его обвиняли не только в том, что он разрушил все коммунистические структуры на Юге, но и в том, что он намеренно ввел в заблуждение партию и правительство, утверждая, что на Юге 200 тыс. коммунистов (в одном Сеуле — 60 тыс.), которые немедленно восстанут, как только начнется война⁵⁵.

Таим образом, несмотря на распространенный миф о том, что если бы не Сталин, войны на Корейском полуострове не произошло, “войной Сталина” Корейскую войну назвать никоим образом нельзя. Безусловно, началась она с одобрения Москвы, но не по ее указке. Более того, “добро” было дано, исходя из неверной информации о внутривластном положении на Юге Кореи, и источником данной информации были не столько Ким Ир Сен и его фракция, сколько “местные” коммунисты во главе с Пак Хон Ёном.

Попытки выставить главными виновниками войны Вашингтон и Пекин также далеки от истины. Корейская война в значительной мере — следствие внутренних факторов, а не внешнего давления, и тех, кто был готов ее начать, хватало по обе стороны 38-й параллели. Конечно, вопрос о том, как скоро Ли Сын Ман перешел бы от слов к делу, если бы южнокорейская армия прошла весь процесс модернизации, относится к области догадок, но, судя тому, что с количественной точки зрения большинство пограничных конфликтов было инициировано южанами, он не отложил бы дело в “долгий ящик”. В контексте неизбежности войны начать ее на более выгодных для себя условиях было решением циничным, но логичным.

Все эти моменты очень важны для понимания целого ряда событий, связанных с гражданской войной в Корее в 1950–1953 гг., и показывают, что ее история заслуживает дальнейшего изучения, свободного от идеологических шор.

1. www.hrono.ru/libris/lib_h/hrush39.html.

2. Тихомиров В. Д. Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов). М., 1998. С. 33.

3. Война в Корее, 1950—1953. СПб., 2003; http://militera.lib.ru/h/korea_50_53/02.html.

4. Капица М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. М., 1996. С. 219.
5. Торкунов А.В., Уфимцев Е.П. Корейская проблема: новый взгляд. М., 1995.
6. Наиболее типичным представителем этой группы является В. Ф. Ли.
7. Везерсби К. Советские цели войны в Корее, 1945—1950 // Холодная война. Новые подходы. Новые документы. М., 1995. С. 315.
8. Война в Корее, 1950—1953 гг.: взгляд через 50 лет. Материалы международ. научно-теоретической конференции (М., 23 июня 2000 г.). М., 2001.
9. Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950—1953 гг. М., 2000.
10. Торкунов А.В. Корейская война: уроки истории // Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность. Материалы 4-й научной. Конференции корееведов. М., 15—16 марта 2000 г. М., 2001. С. 130—140.
11. http://nvo.ng.ru/history/2008-07-18/10_stalin.html.
12. Капица М.С. Указ. соч. С. 217.
13. Штыков Терентий Фомич (1907—1964 гг.), генерал-полковник, посол СССР в КНДР в 1948—1950 гг. До назначения — заместитель командующего войсками Приморского военного округа по политчасти. В конце ноября 1950 г. вместе с главным военным советником генерал-лейтенантом Н.А. Васильевым освобожден от своих обязанностей “за грубые просчеты в работе, проявившиеся в период контрнаступления американских и южнокорейских войск”. 3 февраля 1951 г. понижен до генерала-лейтенанта и через 10 дней уволен в запас. Впоследствии назначен секретарем Новгородского обкома КПСС.
14. Корея в огне войны. / И.М. Попов, В.Н. Богданов, С.Я. Лавренев. М., 2005. С. 66—68.
15. АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 776. Л. 1-21. Подлинник.
16. Круглый стол “Страницы прошлого”. (Из истории политики Советского Союза на Корейском полуострове в 40—80-е гг. 26 сент. 2002 г. // Международный общественный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев—Фонд). М., 2002. С. 29.
17. АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 776. Л. 30-32. Зав. копия.
18. Корея в огне войны. С. 71.
19. Круглый стол “Страницы прошлого”. (Из истории политики Советского Союза на Корейском полуострове в 40—80 гг. 26 сент. 2002 г. // Международный общественный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев—Фонд). М., 2002. С. 38.
20. АП РФ, Фонд Т70; 45, Опись Т70; 1, Дело Т70; 332, Лист Т70; 47—48.
21. Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 7.
22. РГАСПИ. Фонд Т70; 558, Опись Т70; 11, Дело Т70; 334, Листы Т70; 55—57.
23. Отметим, что ряд исследователей, в т.ч. А.М. Ледовский, вообще обвиняли Мао в том, что он соврал.
24. Конечно, здесь можно поставить вопрос о том, насколько М.С. Капица валиден как источник и насколько он придерживается ангажированной просоветской позиции. Зная биографию этого человека и его репутацию определенного фрондера, резонно полагать, что у М.С. Капицы не было причины выпячивать роль Пак Хон Ёна. Тем более, что на с. 223 он приводит пример того, как еще во время Корейской войны, будучи работником посольства СССР в КНР, он проявил достаточно смелости, чтобы открыто назвать “уткой” пропагандистские материалы о ведении американцами бактериологической войны в Корее, отчего чуть не попал на Лубянку как жертва доноса.
25. Капица М.С. Указ. соч. С. 217.
26. Там же. С. 219.
27. Hastings M. The Korean War. С. 76.
28. Там же. С. 57.
29. Громько А.А. Памятное. 2-е, доп. изд. М., 1990. Т. 1. С. 248—250.
30. РГАСПИ. Фонд № 558, Опись № 11, Дело № 62, Листы № 71-72.
31. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 110-111.
32. Автор не собирается полемизировать с оппонентами, чьи аргументы сводятся к мнению, что поскольку Сталин был безумный кровавый тиран, он вполне мог так посту-

- пить. С точки зрения автора, обвинения в безумии скорее говорят о том, что оппонент не имеет возможности или желания понять логику действий изучаемого лица и вместо этого демонизирует его.
33. Корея в огне войны. С. 27.
34. *Hastings M.* The Korean War. New York; London; Toronto; Sydney, 1987. P. 42.
35. *Millett A.R.* The Korean War. С. 30.
36. РУМО — Разведывательное управление министерства обороны.
37. Сеульский вестник. 2004. № 85. С. 15.
38. *Millett A.R.* The Korean War. С. 12-13.
39. Там же. С. 13.
40. *Hastings M.* Op. cit. С. 50.
41. Не правда ли, вспоминается высказывание Грачева о взятии Грозного за день одним полком?
42. *Cumings B.* North Korea... С. 9.
43. *Millett A.R.* Op. cit. С. 35—36.
44. Война в Корее, 1950—1953. Сб. материалов Ген. Штаба. СПб., 2000. С. 16.
45. Война в Корее. С. 15.
46. Корея в огне войны. С. 65.
47. РГАСПИ. Фонд № 558, Опись № 11, Дело № 334, Листы № 105-106.
48. РГАСПИ. Фонд № 558, Опись № 11, Дело № 334, Листы № 126-128.
49. РГАСПИ. Фонд № 558, Опись № 11, Дело № 334, Листы № 142-144.
50. Корея в огне войны. С. 146-147.
51. В корееведении существует предание о том, как Сталин выбирал будущего руководителя КНДР. Предание остается преданием, а если мы посмотрим на историю возвышения Кима, то не увидим особенно активного продавливания Москвой его кандидатуры. Представляется, что если бы Сталин действительно поставил на него, Ким Ир Сен с самого начала оказался бы главой партии. Между тем, активного продвижения Ким Ир Сена советским руководством на высшие государственные и партийные посты КНДР не видно.
52. Наиболее явный пример — *Пигулевская А.* Корейский народ в борьбе за независимость и демократию. М., 1952.
53. Конечно, не стоит делать далеко идущие выводы о том, что советские военные и силовики (включая дипломатов с подобным прошлым) поддерживали Ким Ир Сена, а их гражданские коллеги — Пак Хон Ёна. Но речь идет о том, что Пак был на весьма хорошем счету. Об этом же говорит и его характеристика, процитированная в книге “Корея в огне войны”.
54. Сделанный на базе РГАСПИ сборник “ВКПб, Коминтерн и Корея, 1918—1941” (М., 2007) рассказывает о нем достаточно интересно, но тут мы отметим только то, что его заслуги относятся не столько к революционному движению, сколько к аппаратной/фракционной борьбе, в которой были хороши все средства.
55. *Sung Chul Yang.* С. 366.